

Вырезка из газеты

УЧИТЕЛЬСКАЯ
ГАЗЕТА

от 15 июля 1977
Газета №

г. Москва

В ТОТ ВЕЧЕР на сцене Малого театра шла драма «Замок Кавальканти». В спектакле принимали участие девочки — учащиеся балетной школы, исполнявшие роли бессловесных пажей. В антракте ведущий актер Малого театра, знаменитый И. В. Самарин заметил нескладную и некрасивую, в небрежно наложенном гриме, девочку.

— Кто это такая?
— Воспитанница Ермолова, — последовал ответ.

— Уберите вы этого невозможного пажа!

Его приказание было немедленно выполнено. И «невозможного» пажа — будущую славу русского театра «убрали» со сцены...

Труден и тернист путь актера, и Ермолова, обладавшая почти легендарной прижизненной славой, прошла его, высоко неся знамя подвижнического служения своему народу.

Облик артиста, знакомый и близкий его современникам, для других поколений теряет свою отчетливость, оставаясь жить лишь на пожелтевших от времени фотографиях. Такова была общая участь всех крупных актеров во времена, когда спектакли не фиксировались на киноплёнку. Ермолова избежала ее. В 1905 году директор Литературно-художественного кружка крупный московский архитектор Ф. О. Шехтель заказал художнику В. А. Серову портрет артистки. Выбор художника был неслучаен. Любимой и постоянной моделью Валентина Александровича, уже тогда известного портретиста, являлся человек, в чьем творчестве заключена и его человеческая красота. Художники Левитан, Коровин, писатель Лесков, артисты Тамань, Мазини, Шаляпин — вот герои произведений Серова. Поэтому предложение создать в портрете образ величайшей русской актрисы нашло в душе художника живейший отклик.

Наверное, всякий, кто бывает в Третьяковской галерее, замечает, как останавливаются посетители возле портрета Ермоловой кисти Серова, как смолкают разговоры — так властно привлекает к себе внимание образ великой актрисы, созданный большим мастером. В черном, строгом длинном платье стоит актриса в фойе любимого ею Малого театра. Поза, гордая осанка, охватываемый одним взглядом темный силуэт на светло-сером фоне стены — все создает образ величавый и в то же время трагический. Во всем облике «трагической музы» Ермоловой заключен призыв, особенно хорошо понятный в те годы — годы первой русской революции, когда все передовые русские люди стремились внести свой вклад

в дело служения народу. Такой, «серовской», она и останется навсегда. Сама Мария Николаевна относилась к портрету осторожно. Человек предельно скромный, она, по словам Вл. И. Немировича-Данченко, никогда, до самой своей смерти не ценила себя так, как она этого заслуживала. Из вечера в вечер — и так 52 года — выходила актриса на сцену Малого театра. Она сыграла в нем 285 ролей — в этой цифре заключено поистине титаническое напряжение та-

лии Машу, когда та училась в театральном училище, и поручившая ей роль Эмилии. Ровно через год после блистательного дебюта в «Эмилии Галотти», в январе 1871 года, окончившая театральное училище Мария Николаевна Ермолова была зачислена в драматическую труппу Малого театра.

Роли... Их было много в первые годы работы на сцене, когда шлифовался талант актрисы, в полную силу засверкавший в ее Лауренсии в «Овечьем источ-

нике» Шиллер дает актрисе труднейшую задачу. В разговоре отца с сестрами о насилии интервентов над народом Жанна упорно молчит. Но ее молчание было красноречивее всяких слов, и зритель догадывался о мыслях девушки, прежде чем та произносила первые слова: «Отдай мне шлем!». Затем снова погружалась в молчание, но наполненное уже совсем иным чувством — нарастанием душевной муки, которая затем стремительно разрешалась: «С кем договор? Ни

вторым университетом, сила воздействия которого во многом основывалась на гражданственном пафосе созданных Ермоловой ролей, будь то роли ее современниц или же исторических персонажей. Катерина в «Грозе» стала первой встречей Ермоловой с Островским. После этого артистка сыграла в репертуаре великого русского драматурга свыше двадцати ролей — Тугину, Кулакину, Кручинину... Особенно близка была Марии Николаевне Александра Негина в «Талантах и поклонниках». Судьба артистки в русском обществе того времени воспринималась Ермоловой глубоко лично, поэтому тончайшие внутренние переживания героини отзывались волнующими интонациями ее гибкого голоса, который, казалось, был наполнен светом и теплом.

В шекспировских ролях актрисы — а они сопровождали Ермолову всю ее сценическую жизнь — современников поражали масштабность, значительность и индивидуальность созданных ею образов, богатство актерского арсенала в движениях, речи и даже паузах, которые были не паузами в полном смысле слова, а немой игрой, более сильной, чем словесная.

Так шли годы... Спектакли, репетиции, снова спектакли — в этом была вся ее жизнь.

Когда произошла Великая Октябрьская революция, Ермоловой было 65 лет. Советская власть окружила артистку исключительным вниманием. В 1920 году исполнялось 50 лет сценического творчества актрисы. Чествование назначили на 2 мая. В полдень в квартире Ермоловой на Тверском бульваре подошли, чтобы оказать честь великой актрисе, представители всех московских театров с труппой Малого театра впереди. На своем стяге театр написал: «Ермолова — наше знамя». А вечером в Малом театре состоялось торжественное заседание, на котором присутствовал Владимир Ильич Ленин. Было зачитано постановление Совета Народных Комиссаров о присвоении Марии Николаевне Ермоловой почетного звания Народной артистки республики. М. Н. Ермолова первая, по инициативе В. И. Ленина, получила это почетное звание. Когда было зачитано постановление, взволнованная актриса сказала:

— Я глубоко тронута тем именем, которым вы меня называете. Всю свою душу Малый театр отдавал народу, и всегда стремился к нему и он, и я. И до конца дней мы всегда принадлежим народу.

А. ДЕХТЕРЕВА,
искусствовед.

● ВЫ НАС ПРОСИЛИ РАССКАЗАТЬ

Дорогая редакция!
МНОГО слышала, читала о замечательной русской артистке Марии Николаевне Ермоловой, о ее выдающемся таланте. Исполнилось 125 лет со дня ее рождения. Расскажите, пожалуйста, о ней на страницах газеты, ведь М. Н. Ермолова — первая народная артистка республики.

А. ЕФИМОВА.

г. Харьков.

ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ

ланта, самоотверженная отдача всего себя любимому искусству...

Ее сценическая жизнь началась 30 января 1870 года в бенедикс любимицы московской публики Н. М. Медведовой. Давали трагедию Лессинга «Эмилия Галотти». В главной роли выступала никому не известная воспитанница Ермолова. Искушенная публика недоверчиво встретила юную дебютантку. Но едва лишь были произнесены первые фразы, едва лишь зазвучал ее низкий, взволнованный голос, в котором было столько внутренней силы и человеческой правды, как всех увлекло безраздельное обаяние яркого, могучего таланта. Вечером, вернувшись из театра, Маша Ермолова запишет в своем дневнике: «Я счастлива, нет, я счастливый человек в мире. Сбылось то, о чем я пять дней назад не смела и мечтать. Я думала, что меня вызовут раз, меня вызвали двенадцать раз».

Действительно, мечта о театре, казалось, родилась вместе с ней. Дочка суфлера Малого театра, она еще совсем маленькой девочкой, сидя вместе с отцом в тесной суфлерской будке, пересмотрела почти все шедшие на сцене спектакли. А потом дома вместе с младшими сестрами самозабвенно играла роли, в которых выступала ее любимая актриса Надежда Михайловна Медведова, заметившая впослед-

нике» Лопе де Вега. Юная душа артистки словно впитала в себя страстную любовь к свободе и ненависть к тирании, сжигавшие сердце ее героини. Центральный монолог Лауренсии, призывавший крестьян к восстанию против тирана-командора, прозвучал, «словно оглушительный залп по сердцам зрителей». «Овечий источник» имел бурный успех благодаря высокому гражданскому пафосу трагедии Ермоловой образа Лауренсии. Но все-таки это была лишь прелюдия к одной из вершин творчества актрисы — к Жанне д'Арк.

К тому дню, когда она выйдет на сцену народной героиней Франции, Ермолова начала готовиться очень давно. Еще ученицей часто читала монологи Жанны, играла отрывки из трагедии Шиллера. И вот он пришел, столь важный для актрисы день. С самого утра Мария Николаевна входила в образ, никого не могла видеть. Это была, по воспоминаниям ее друзей, уже не Ермолова, а Жанна д'Арк. Ермолова не любила гримироваться. Да это ей и не было нужно. Входя в образ, актриса до неузнаваемости изменяла лицо, на котором каждый раз по-новому светились ее прекрасные глаза. У Жанны они светились неподдельной любовью к родине и горячей решимостью спасти ее. В

слова о покорстве!». Во втором действии Жанна в латах, в шлеме, с мечом. Она одержала победу, объединила народные силы. Взгляд ее воинствен. Но вот обвиненная в коловстве, преданная, отказавшаяся от помощи всех, Жанна уходит с площади. И перед зрителем вставал образ слабой, замученной девушки. Ермолова становилась как бы меньше ростом, придавленная грузом тоски, скорби и измны. Финал пьесы шел на героическом взлете — порвавшая оковы юная героиня вновь бросается в бой, чтобы вернуть победу народу. И ликующим счастьем звучали слова Жанны-Ермоловой: «Итак, опять с народом я моим...».

Любимая ермоловская героиня, с которой актриса не расстанется долгие годы, одержала блестящую победу над сердцами потрясенных зрителей. Не менее потрясенными оказывались и партнеры по сцене. Вот что вспоминал один из них: «С Ермоловой жутко было играть: того и гляди, скажешь не то, что полагается по роли, а то, что она зажала в душе». И она действительно зажала сердца своей страстной игрой и тогда, когда играла в театре, и тогда, когда с концертной эстрады читала стихи революционных поэтов.

Малый театр был для прогрессивно настроенной молодежи